

42-77
3339
90
С.П. ПРОКОПЬЕВ

ЭСКАДРОН,
ЗА МНОЙ!

С. ПРОКОПЬЕВ
Гвардии политрук, орденосец

ЭСКАДРОН, ЗА МНОЙ!

(ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА)

Литературная обработка
А. СТУДЕНЕЦКОГО

Иллюстрация и портрет
худ. Ж. АРХИПОВА

Ч У В А Ш Г О С И З Д А Т
Чебоксары — 1942.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор предлагаемых читателю фронтовых записок, уроженец Октябрьского района, Чувашской АССР, гвардии политрук С. Прокопьев был на фронтах Великой отечественной войны с самого ее начала. Первое время в качестве газетного работника, а затем политруком эскадрона, он прошел с одной из кавалерийских частей значительный боевой путь. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении заданий командования, правительство наградило тов. Прокопьева орденом «Красной Звезды».

Печатаемые выдержки из фронтового дневника относятся к глубокому рейду по тылам фашистских войск, в котором автор принимал участие. К печати они были подготовлены автором вскоре после его выхода из госпиталя.

Несмотря на некоторую обособленность глав и эпизодичность большинства героев, одна главная мысль красной нитью проходит через всю книгу. Это теплая любовь к родине и смертельная ненависть к врагу. Поэтому записки тов. Прокопьева представляют ценность для всех, кто сражается на фронте, кто самоотверженным трудом в тылу готовит победу над проклятым фашизмом.

Книга «Эскадрон, за мной!» рассчитана на массового читателя.

I.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ. — ОСВОБОЖДЕННОЕ СЕЛО ПРОВОЖАЕТ НАС. — ТРАГЕДИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ. — В ДОБРЫЙ ПУТЬ! — НАДЯ. — ПЕРВАЯ СХВАТКА. — КРАСНЫЙ БОГАТЫРЬ ЖИТЕНЕВ. — ТРОФЕИ.

После трехдневного ожесточенного боя в районе села А. наш полк прорвал сильную укрепленную линию немцев. Четвертый эскадрон лейтенанта Мишкурова первым ворвался в село, очищая его от немчуры.

Враг поспешно откатывался на северо-запад. На снежной равнине, начинающейся сразу за околицей, чернели трупы гитлеровцев. Вдали вспыхивали разрывы снарядов и мин. Фигурки фашистов металась в стороны от седых столбов земли и снега.

— Уходят гады! — говорили стоявшие на краю села бойцы. — Товарищ политрук, надо догнать их.

— Будет приказ, догоним, — отвечал я.

И приказ пришел. Но в нем был другой

маршрут. Командование ставило перед нами новые задачи.

Скоро все было готово к выступлению. Население только-что освобожденного села провожало нас. Около ветряной мельницы, где недавно кипели схватки за первые избы, где еще валялись трупы вшивых гитлеровцев в окровавленных серо-зеленых шинелях, собралась все уцелевшие жители села. Старики, снимая шапки, обнимали бойцов, провожая в поход их, словно родных сынов.

Среди толпившихся в стороне женщин я заметил хрупкую, миловидную девушку в сером кафтане, с безразлично накинутой на голову шалью. Девушка тихо всхлипывала за спиной подруги. Заметив мой взгляд, окружавшие ее колхозницы строго сказали:

— Обесчестили ее, политрук. А отца застрелили: старик заступиться хотел. И дом сожгли.

Трагическая судьба небольшой счастливой советской семьи, растоптанной сапогами чужеземных захватчиков, наполнила мое сердце горечью и ненавистью. Я соскочил с лошади и, не стыдясь окружающих, обнял плачущую девушку, поцеловал ее, вытер крупные, чистые слезы, бежавшие по ее щекам.

— Мы отомстим! — сказал я неожиданно звонким голосом, — мы ничего не забудем и не простим!

Моя рука, инстинктивно продетая в темляк, крепко сжала холодный эфес шашки.

Девушка разрыдалась. С трудом выговаривая слова, она твердила:

— Я не отстану от вас... я сама отомщу... я найду этого рыжего гада...

Сурово смотрели обступившие нас люди. И только пожилая колхозница подошла к командиру и торжественно сказала:

— Сыны мои, бейте проклятых душегубов! За все, за все отплатите извергам.

Раздалась протяжная кавалерийская команда, и кони дружно зацокали копытами по зимней дороге.

Мы уходили в глубокий рейд по тылам врага. И никто не задумывался над своей личной судьбой. Только судьба родины была дорога нам в этот час, и потому не страшили нас опасности, не тревожили предстоящие испытания.

А за колонной бежали люди, махали платками и шапками и восклицали:

— В добрый путь, родные!

— Возвращайтесь с победой!

Девушку мы взяли с собой. Ей было девятнадцать лет и звали ее Надей. Впоследствии она стала хорошей медицинской сестрой и мужественно делила с нами трудности походной жизни. Она несла в своей груди горячее сердце советской патриотки, полное жажды священной мести. И, несмотря на пережитую трагедию, она не утратила той могучей жизнерадостности и душевной силы, которыми так богат непобедимый советский народ. За все это мы полюбили Надю, как любят родную сестру, как любят испытанного, задушевного товарища.

...Эскадрон на рысях уходил на запад.

В тот же день мы прибыли форсированным маршем в село П. Немцы заранее бежали из этого села.

— Жаль!—вздохнули бойцы.—Не пришлось потрепать гадов.

— Жаль,—вздохнула Надя, блестя глазами.

Наступили сумерки, а вскоре ночь легла туманной дымкой на поля и дороги. Чуткая зимняя тишина воцарилась кругом.

Но тишина на фронте всегда обманчива. Вот и сейчас: не всякий заметит цепи продвигающихся бойцов. Бесшумно, словно тени, движутся в пешем строю кавалеристы к чернеющему вдали хуторку. Там, по данным разведки, расположился немецкий обоз. Фрицы не ждут беды, они спокойны, — ведь они в тылу своих войск!

Шопотом приказываю приготовиться к атаке. Напряжение достигло высшего предела. Домики, плетень, заборы совсем близко. Кровь бешено стучит в висках.

— Вперед!

И вдруг закрипел кругом снег, звякнуло у кого-то снаряжение.словно из-под сугробов встала лавина людей и понеслась вперед, перекатываясь через плетни, врываясь в улицы, накидываясь на затаившиеся домики. Звон стекла, взрывы гранат, сухие хлопки винтовочных выстрелов, дробь автоматов и басовитый голос пулемета, — все слилось в один общий гул, разорвавший и уничтоживший ночную тишину. И такой же грохот боя почти одновременно раздался с противоположной стороны хуторка. Это начал действовать со своей группой боец Романов. Окружая хуто-

рок, он вышел с товарищами в тыл немцам и смело повел в атаку боевых друзей.

Как мы потом узнали, Романов пошел на военную хитрость: он встал у двери домика и спокойно подстреливал одного за другим потерявших голову фашистов, которые выбегали из двери. Пять гитлеровцев понесли заслуженную кару от руки бесстрашного советского бойца.

В этой ночной схватке пал смертью храбрых коммунист, старший сержант Житенев, командовавший взводом. Уже смертельно раненный, он успел схватить немца за горло и даже мертвый не разжал своих могучих рук. Так и нашли их застывшими в последней смертельной хватке. С трудом оторвали наши бойцы холодные окровавленные пальцы верного сына родины от горла фашиста. С омерзением откатали посиневший труп гитлеровца от тела красного богатыря Житенева...

Когда рассветало, мы с лейтенантом Мишуровым доложили командиру полка об исходе первой операции. Дерзкий налет дал свои результаты: наш эскадрон захватил пятнадцать повозок с продуктами, три автомашины с обмундированием и другие трофеи. Десятки гитлеровцев нашли свою бесславную смерть в эту зимнюю ночь.

Так начался наш рейд по тылам фашистско-немецких войск.

II.

ЛЕЙТЕНАНТ МИШКУРОВ. — МЕЧТА
КОМЭСКА.—ДРУЖБА. — «СМОТРИ,
ПОЛИТРУК, БЕРЕГИ СЕБЯ».—НАЧА-
ЛОСЬ.—НЕМЦЫ БЕГУТ.—ШАШКИ
К БОЮ! — ИНОЗЕМЦЕВ РУБИТ ФРИ-
ЦЕВ. — УДАРЫ ВЕСЕЛОВСКОГО. —
РАНЕН БОЕВОЙ ТОВАРИЩ. — ЭС-
КАДРОН, ЗА МНОЙ!

Все больше и больше километров остается у нас за спиной. Через поля и овраги, по таинственным лесным дорогам движется эскадрон. Только цокот копыт, пофыркивание коней да звон удил сопровождают нас в этом безостановочном движении.

А рядом со мной, привычно покачиваясь в седле, едет лейтенант Мишкуров. Я присматриваюсь к его лицу с бравыми, слегка пожелтевшими от куренья усиками, к его коренастой сильной фигуре и думаю: давно ли знакомы мы с ним, а как успели сдружиться!

Сибиряк, рабочий одного из иркутских заводов, старый конник Павел Павлович Мишкуров привлекал к себе своим спокойствием и рассудительностью, соединенными с муже-

ством и отвагой. Я любил его, как отца: А он уважал меня, двадцатичетырехлетнего политука.

— Эх, политрук, — говорил мне Мишкuroв, — совершим этот рейд с честью и, может быть, народный комиссар присвоит нам звание гвардейцев.

А я подмигивал ему и подпевал: «Усы гусара украшают, усы гусару вид дают».

— погоди, — отзывался Мишкuroв, — будешь гвардейцем, и тебя заставлю усы отпустить.

И вот сейчас, вспоминая о нашей дружбе, я думаю: что сблизило нас, что укрепляло эту дружбу? Любовь к родине, партии, великому Сталину сделала нас родными. И если бы кто-нибудь из нас отступил от этого священного обета верности своей стране, другой, не задумываясь, расправился бы с изменником. Такой суровой простой дружбой спаяна вся наша Красная Армия, и только одно это сделало ее непобедимой.

...Однажды нас срочно вызвали к командирской части. С места подняв своих коней в галоп, мы помчались с Мишкuroвым в штаб.

Командир полка Пташкин внимательно посмотрел на нас.

— В селе П. засели немцы, — сказал он. — Второй эскадрон выгонит их в поле, а вы атакуйте.

— Есть атаковать!

Комиссар Зарицкий подъехал ко мне вплотную:

— Смотри, политрук, береги себя.

Простые слова, а сколько в них чувства! Сколько силы вливают они в тебя, какую огромную зарядку дают перед боем. Еще и еще раз чувствуешь ту всеобъемлющую заботу, которую проявляют партия и родина о каждом ее воине.

Крепко жму руку комиссару: партия, воспитавшая меня, может быть спокойна — доверие оправдаю!

Возвращаемся к эскадрону, объясняем зада-

чу командирам взводов, боевому активу. И тут же выступаем на исходную позицию.

Село скрыто от нас высоким бугром. Но зато ровное поле, по которому должны отступить немцы, лежит как на ладони. Эскадрон притаился за бугром. Мы с Мишкуровым в последний раз объезжаем бойцов, проверяем, все ли готово.

Люди серьезные. Глаза горят. При виде нас бойцы подтягиваются, улыбаются:

— Все в порядке, товарищ политрук. Не подкачаем.

— Будет выполнено, товарищ лейтенант. С точностью, как в аптеке.

Вдруг где-то по ту сторону бугра раздается выстрел, за ним другой, третий. Стрельба сливается в один общий грохот и гремит, то усиливаясь, то спадая.

— Началось, политрук, — говорит Мишкуров, — пошли.

Мы подбираемся к краю бугра и напряженно смотрим на снежную равнину. Она пуста.

Но вот трескотню автоматов покрывает протяжное «ура!». Кто хоть раз слышал этот клич, тот никогда его не забудет. Жаждой битвы зажигает он сердца советских людей. Беспokoйно озираться заставляет он врага.

Стрельба как-то сразу обрывается. Хлопает несколько одиночных выстрелов. Чей-то отчаянный вопль взлетает над селом;

— Смотри! смотри! — хватает меня за рукав Мишкурков.

Но я и сам увидел. По дороге, ведущей из села, бежит человек. Голова его чем-то замотана. Ноги, обутые в сапоги, скользят и разъезжаются на плотно укатанной дороге. Он падает, встает и, озираясь, снова бежит, неуклюже размахивая руками. За ним мчится другой, такой же. Затем показывается целая группа. Толкая друг друга, что-то беспрерывно крича, немцы приближаются к бугру, за которым скрыт наш эскадрон.

Вот они, представители «высшей» расы, мерзавцы, привыкшие к военным прогулкам. Вот негодяи, посеявшие в нашей стране кровь и слезы, загубившие тысячи ни в чем неповинных людей! Не уйти вам от расплаты, не спасти своей поганой жизни.

— Время, политрук! — встрепенулся Мишкурков.

Громовая команда катится над эскадроном:

— Шашки к бо-ою!

Словно ураган выносятся на равнину лава. Серебряными молниями блещут клинки в облаках снежной пыли.

— Бей гадов!

— За родину, за Сталина!

Несмотря на бешеную скачку, замечаю, что дорога немцам перерезана, и кто-то из наших бойцов уже рубит бегущего фрица.

Группа немцев круто сворачивает с дороги. Три офицера с блестящими погонами бегут впереди, что-то крича и жестикулируя. Вдруг конник с полного хода врывается в эту группу, рубит направо и налево, давит фашистов конем.

— Иноземцев-то что делает!—с восхищением кричит мне Мишкурков, показывая клинком в сторону уничтожаемой группы.

И в этот миг пули со злым, неприятным свистом проносятся рядом с нашими головами. Потом еще и еще. Чуть улыбаясь, Мишкурков говорит:

— За нами охотятся, политрук.

Но откуда летит это невидимая смерть, понять нельзя. Злобный посвист все время заставляет менять позицию. Укрыться негде, да и некогда: кругом кипит бой и боем надо руководить.

Рядом с нами скачет боец Веселовский. Тихий и скромный, но с честным открытым взглядом, он готов в любую секунду выполнить приказание. Такие часто становятся героями.

Вдруг Веселовский вскрикивает:

— Там. Смотрите: там!

И, не дав нам опомниться, мчится туда, куда только-что показал клинком.

Так вот они где! Два офицера, припав на колени, бьют в нашу сторону из автоматов...

Какое-то мгновение, блеск клинка, и Веселовский осаживает лошадь. Один офицер распластался под ее копытами. Другой бежит, положив автомат на плечо, и, не оглядываясь, посылает назад очередь за очередью.

— Стой, свинья горбатая! — слышим мы отчаянный крик Веселовского.

Боец поднимает коня в стремительный бросок и молниеносно, как на рубке лозы, взмахивает клинком. Изрыгая черную кровь, оседает тело офицера. Голова падает на затвердевший снежный наст и неторопливо скатывается с гребня сугроба.

... Много полегло в этот день фашистов. Много трупов их осталось на снежной равнине и около деревни, на крутом берегу яра, куда пригнали немцев наши бойцы. Повозки с лошадьми и автомашины достались нам в качестве трофеев.

К концу боя мы разъехались с Мишкоровым. Он поскакал на фланг, а я продвигался с бойцами вперед.

Когда бой утих, ко мне неожиданно явился связной.

— Товарищ политрук, — сумрачно сказал он, — комэска ранило...

Павел Павлович лежал в одной из изб. Лицо его побледнело, только глаза попрежнему светились лукавым огоньком. Взволнованная

Надя бережно поправляла на нем бинты и, оборачиваясь, грозно шептала бойцам:

— Готовьте лошадь! В медпункт его надо быстрее.

Я склонился к родному лицу боевого товарища. Мишкурлов улыбнулся. Я крепко поцеловал его в колючие усы и сказал:

— Поправляйся, родной мой гусар. И догоняй нас...

С тяжелой душой вышел я из избы. Вскрывая на коня, думал: «Мы отомстим за тебя, наш дорогой друг. Мы будем идти вперед, и дума о тебе будет зажигать наши сердца. Мы будем жить твоей мечтой и в священной, беззаветной битве добьемся великой чести быть гвардейцами».

А эскадрон, снова готовый к боям, растянулся длинной колонной вдоль деревенской улицы. Нетерпеливо топтались кони, бойцы вопросительно смотрели на меня. С этого дня я должен был вести их один, без нашего лейтенанта Мишкурова. Привстав на стремянах и подняв руку, я скомандовал:

— Эскадрон, за мной!

И тронул вперед своего коня.

III.

ДОМ-КРЕПОСТЬ.—ИЗОСИМОВ ИДЕТ
ВПЕРЕД.—СМЕЛОЕ, НО НЕРАЗУМ-
НОЕ РЕШЕНИЕ. —НА ПОМОЩЬ ТО-
ВАРИЩАМ.—«ОТ ПОЛИТРУКА НИ-
КУДА НЕ УЙДУ».—БОЕВОЕ СОДРУ-
ЖЕСТВО АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ, ОСЕ-
ТИН, ТАДЖИКОВ, ЧУВАШ, БЕЛОРУС-
СОВ, УКРАИНЦЕВ. — РАСЧИСТКА
ЗДАНИЯ. — РЕЗУЛЬТАТЫ. — УГО-
ЩАЙТЕСЬ, ДРУЗЬЯ!

Вьюжило, когда я с несколькими бойцами отправился в операцию. Мы осторожно пробирались вдоль не совсем замерзшей реки, всматриваясь в снежные вихри.

Вскоре из мутной пелены выступил сад. За черной стеной деревьев серел трехэтажный дом.

По сведениям, полученным накануне в штабе, мне было известно, что в доме находились фашисты с пулеметами и минометами, а в стенах были пробиты бойницы. Таким образом, дом представлял собой крепость, господствовавшую над окружающей местностью вдоль такого естественного рубежа, как река.

Я задумался: а что если атаковать этот дом всеми имевшимися в моем распоряжении средствами? Пусть у противника численное превосходство, зато на нашей стороне внезапность. Мы ходим по тылам врага и обязаны побеждать меньшими силами.

Подзываю своего земляка сержанта П. Изосимова, ставлю ему задачу. Вместе с тремя смельчаками Изосимов переходит реку и скрывается на том берегу.

Следом за ним движемся и мы. Холод сковывает движения, каждый метр стоит больших усилий. Но на это некогда обращать внимания: с минуты на минуту должен разыгаться опасный бой.

Тихо. Изосимов с бойцами — как четыре еле заметно передвигающихся бугорка в седых струях поземки. Вот бугорки, приблизились к ограде и исчезли. Тихо. Только посвистывает ветер да шуршат подгоняемые им ручейки сухого снега.

Вдруг все мы вздрогнули: четырехголосое «ура» донеслось до нас. Изосимов поднялся в рост и кинулся вперед. Это было смело, но неразумно, так-как дом был еще далеко. Но сам он понял это только тогда, когда пуля пробила ему левую ногу, и один боец упал с кровоточащей раной.

Последовало несколько взрывов: Изосимов бросал гранату за гранатой, не давая немцам

выйти из двери. Отважный воин старался исправить свою ошибку.

— Пусть думают, что нас много, — говорил он бойцам, и все они, в том числе и раненые, кричали «ура».

Но вот пуля угодила еще в одного. Силы слишком неравны. Кончаются гранаты. Слабеют мужественные голоса.

Слабеют? Нет! Возгласы «За родину!», «За Сталина!» гремят у самой ограды. Это мы поднялись и спешим на помощь нашим товарищам.

На бегу я чуть не споткнулся о трупы немецких часовых, бесшумно уничтоженных Исошимовым и его бойцами. Мелькнула мысль: «ловко сделано, даже не заметили!».

Почти у дома ударила свинцовая струя фашистского автомата. Упал Басыров, тяжело осел в снег комсомолец Чарыков, рухнул Валиев. Ранен еще один боец. Подползаю к нему, приказываю отойти.

— От политрука никуда не уйду! — упрямо твердит он и с бешеной злобой смотрит в сторону дома, откуда беспорядочно бьют немецкие автоматы.

И не ушел. Горстка бойцов осадил дом-крепость, — горстка советских людей, до конца преданных родине, партии большевиков и великому Сталину. Она окружила здание, взяв под обстрел все выходы из него. Не ожидав-

шие такого оборота дел фашисты оказались в ловушке.

В этот момент и пришел к нам на помощь старшина Дрозд со своими бойцами. Он находился по ту сторону реки, когда донесся до него грохот боя. У старшины была другая задача, но его сердце тоскливо сжалось, когда увидел он, какого нечеловеческого напряжения стоит нам этот неравный бой.

Однако, где старшине взять силы, пока не подоспеет основное ядро нашего эскадрона?

Повар Абас Кумбатов тронул его за плечо:

— Старшина, ведь там политрук. Неужели погибнет?

Старшина резко повернулся и сказал, слово отрубил:

— Нет, не погибнет ...Хозяйственники, ко мне!

Повар азербайджанец Кумбатов, другой повар — русский Гончаров, помощник старшины осетин Тахтиев, ездовой таджик Ахмедов, несколько бойцов — чуваш и белоруссов выступили на зов старшины украинца Дрозда: («И получился у меня настоящий интернационал!» — ухмылялся потом Дрозд).

Когда мы увидели это неожиданное подкрепление, сердца наши забились от радости и гордости.

— Молодец, Дрозд! — крикнул я старшине и подал сигнал к атаке.

Стремительным броском кинулись мы к центральному входу и, широко распахнув двери, с поднятыми гранатами в руках ворвались в дом.

Бойцы Дрозда побежали наверх, а мы принялись за расчистку комнат внизу. Топот ног, грохот срываемых дверей, оглушительные выстрелы наполнили все здание! Отчаянные вопли «Русс, сдаю! Ай-яй-яй, русс!», глухая ругань озверевших бойцов неслись со всех этажей.

Через сравнительно короткий промежуток времени с фашистами было покончено. Дом-

крепость стал могилой десятков гитлеровских солдат и офицеров. Сорок пять автомашин с грузами достались нам в качестве трофеев. Важный пункт стал навсегда советским.

И это был результат действий двадцати двух бойцов, двух младших командиров и политрука Красной Армии...

Вскоре мы встретились с основными силами нашего эскадрона. Они с честью выполнили поставленные им задачи, и мы горячо поздравляли друг-друга.

А когда прошли первые минуты встречи, начальник снабжения В. Бабыка объявил нам с улыбкой:

— Прошу испробовать трофейного угощения! Здешним фрицам оно уже больше не понадобится.

IV.

НАВЯЗАННЫЙ БОЙ. — КОВАРНАЯ
ТИШИНА. — ВЕРОЛОМНЫЕ ФАШИСТ-
СКИЕ ГАДЫ. — ЗАПАДНЯ СОРВА-
ЛАСЬ. — БАНДИТ В МЕДИЦИНЕ. —
МУЖЕСТВО ГЕРОИЧЕСКОГО МАЙО-
РА. — РАЗБОЙНИКИ С КРАСНЫМИ
КРЕСТАМИ.

Мы не хотели трогать госпиталя, ибо мы не убиваем раненых — не только солдат, но и офицеров. Мы не фашисты, — у нас есть человеческая совесть.

Но немцы не хотели сдаваться, и за немецкий тыловой госпиталь разыгрался бой. В большинстве своем легко раненые и хорошо вооруженные, гитлеровцы оказали отчаянное сопротивление.

Постепенно кольцо наших бойцов окружило здание госпиталя, и ответный огонь немцев неожиданно прекратился. Я и капитан Болдырев, присланный в эскадрон на время операции, поставив подразделениям задачу, подобрались к входу в госпиталь и с автоматами наготове, в сопровождении двух бойцов, ворвались в узкий коридор.

Здание было длинным, барачного типа: Коридор перерезал его вдоль, от начала до конца, и ручки многочисленных дверей блестя в коридорном сумраке.

Держа пальцы на спусковых крючках автоматов, мы шли по зданию, и шаги наши неприятно звучали в этой коварной тишине.

Вдруг раздалась команда на русском языке:

— Смирно!

Мы переглянулись: это еще что такое!

Впереди появился немецкий офицер. Он стоял в освещенном пространстве, — там, где небольшой вестибюль перехватывал коридор, — и держал у козырька два пальца.

Взяв его на мушку, мы подошли ближе и увидели построившуюся в вестибюле шеренгу. Офицер сделал шаг вперед. Он был уже не молодой. Козлиная бородка его нервно тряслась. Ломаным русским языком он сказал:

— Господа русские офицеры, медицинский персонал госпиталя построен!

— Давно бы так, господа, — усмехнулись мы.

— Но трогать нас вы не имеете права. Здесь все — члены общества красного креста!

Поблуднев, растопырив пальцы, офицер сделал жест в сторону шеренги.

И в это мгновение раздался пронзительный свист, захлопали двери комнат, грянули

выстрелы. Рапортовавший нам главарь выхватил маузер. Ударом кулака я выбил его из рук.

Вероломные гады! Зная, что мы не трогаем добровольно складывающих оружие, они решили сдаться в плен. Но когда увидели, что явилось только четыре человека, изменили свой план и пытались захлопнуть нас в ловушку. Не вышло! Мы предвидели это и подготовили контрудар.

С четырех концов ворвались в здание наши бойцы, срывая с петель двери. Гром стрельбы и пороховой дым заполнили помещение.

И тут фашисты поняли, что западня не удалась. «Члены общества красного креста», подняв руки и посинев от страха, попятились к стене. Пятеро бандитов вместе с пожилым офицером рухнули замертво. Они оказались глупее остальных и не сложили во-время оружия...

Когда был закончен подсчет пленных, раздалась команда:

— «Проветрить» помещение!

С группой бойцов мы обошли дом. В некоторых комнатах, на украденных у местного населения постелях, лежали тяжело раненые немцы. Удушливый запах гноя стоял там. Пахло мертвечиной и испражнениями. Раненые смотрели на нас с блудливыми, заискивающими улыбками, выставляя грязные, давно не менявшиеся повязки.

Я и капитан Болдырев стали опрашивать пленных. Один из них — солдат Курт Зингер — заявил:

— Нас заставил стрелять доктор Фриц Бауэр. Он пригрозил, что если мы откажемся, нас расстреляют или отравят.

И пленный указал на труп гитлеровского «доктора» с козлиной бородкой.

— Так будет с каждым, кто подумает сопротивляться Красной Армии, — сказал Болдырев, кивнув в сторону трупа.

Пленный вздохнул и перекрестился.

В одной из комнат была обнаружена русская девушка. Фашисты использовали ее не только как санитарку, но и как женщину. Бояливо оглядываясь по сторонам, девушка провела нас в отдаленную комнатку.

— Здесь сегодня убили одного нашего раненого майора, — сказала она со слезами в голосе.

Мы кинулись в темный угол и нащупали теплое тело.

Срочно вызвали врача.

Майор еще жил. Фашистские гады не успели добить его. Пульс еле заметно бился в венах. По изрезанным щекам струилась сукровица.

— Когда наши пошли в наступление, — говорила девушка, — его стали допрашивать последний раз.

И она поведала нам жуткую историю. Допрашивал «доктор» Бауэр. Майор молчал и только изредка твердил: «Я уже тридцать пятый раз говорю: я большевик и ничего от меня вы не узнаете». Тогда бандит с медицинским званием взял скальпель и начал по суставам резать майору пальцы. Несмотря на муки, герой твердо смотрел в лицо палачам. Затем резали щеки, и один из гитлеровцев ударил майора по голове чем-то тяжелым. В этот момент и раздалось красноармейское «ура»...

С благоговением мы подняли героя и вынесли из каморки, поручив его санитарам.

В соседней комнате были обнаружены пять трупов командиров и медицинской сестры. Пять трупов смотрели на нас своими обезображенными лицами. Установить фамилии погибших было невозможно.

— Вот вам плоды деятельности «членов общества красного креста», — сказал капитан Болдырев.

— Разбойники с красными крестами! — ответил я ему хриплым голосом.

V.

НЕТ ФУРАЖА.—ВОЛКОВ БОЯТЬСЯ,
В ЛЕС НЕ ХОДИТЬ. — ПУРГА. —
БЕЗЛЮДНЫЙ ХУТОР.—«ВОЙДИТЕ»:
— СТЫЧКА. — НЕЗАДАЧЛИВЫЙ
ФРИЦ. — ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА.

Кавалерист любит своего коня. Не накормив, не напоив его, не пойдет он на отдых, не отвяжет от выюка свой походный котелок. Совесть не позволит бойцу-кавалеристу подойти к походной кухне, пока не почистит он щеткой своего боевого друга, не угостит его хлебом, оставленным еще от завтрака.

В эти дни — дни глубокого рейда в тылу врага — особенно остро встал вопрос фуража. Не о себе, а о верных конях своих беспокоились бойцы. Немцы сжигали все, трудно было разыскать даже охапку сена или котелок зерна в уничтоженных огнем селах.

Посланные в разные направления группы разведчиков вернулись с пустыми руками. Конни жалобно ржали, и наши сердца обливались кровью.

Так дальше продолжаться не могло. Надо было найти хоть ржаной соломы.

Я решил ехать сам, и ехать, как можно дальше. Километрах в семи от нас были немцы, кругом бродила их разведка. Туда мы и наметили свой маршрут.

Когда начало темнеть, я с бойцами-разведчиками Ивановым и Некрасовым тронулся в путь.

— Смотрите, немцам в руки не угодите,— предупредили нас на прощанье.

— Волков бояться, в лес не ходить,— ответили мы сердито. А бойцы усмехнулись. Так гордо и спокойно усмехаться могут только сильные, смелые люди.

Неожиданно подкралась ночь. Пошел снег, ударил первый порыв ледяного ветра. И разыгралась пурга, — злая, беспощадная пурга. Ветер выл, как обезумевшая собака. Деревья гнулись, и сломленные сучья с треском рушились на причудливые сугробы. Струи снега жгли лицо, забирались под шапки.

А мы радовались, — непогода была нам на руку. Под прикрытием темноты и пурги мы легко подобрались к одному из хуторов и решили разведать колхозное гумно.

Чутье подсказало нам, что немцев в хуторе нет. Селение лежало спокойно, не потревоженное приходом чужеземцев. Нигде не было видно пожарищ, нигде не пылали избы. А

пожар — верный признак присутствия фашистских бандитов: немцы любят спать при огне! «Русский в огненные ворота не пройдет» — говорят они!

И все же в хутор мы въехали с предосторожностями. Когда наши кони вступили в улицу, кругом царило безлюдье. Нигде ни огонька. Только ветер срывает с крыш снежные вихри, наметая огромные сугробы.

Проехали до конца хутора. Пусто. Снова вернулись на окраину, откуда въехали, и где к хутору прилегает лесной массив. Остановились у крайней избы и вдруг заметили огонек в щелях плотно закрытых ставень. Присмотрелись, — ничего подозрительного!

— Заедем, ребята, — сказал я бойцам, — посушимся, хозяев спросим.

Оставив на всякий случай бойцов в стороне, я подошел к избе и постучал.

В двери показалась женщина.

— Войдите, — сказала она.

Как хорошо отдохнуть в тепле! Что может быть приятнее жарко натопленной печки после трудного пути? Может быть хозяйка самовар поставит...

Смело шагаю через порог.

Стоп! Глазам своим не верю: мерцающие рыльца автоматов уставились в меня.

— Хальт! Хондэ хох! Клади бронь, русь!

На какое-то мгновение я весь одеревенел, но

тут же мысленно выругался и, отшатнувшись (пули прошли дверной косяк), крикнул.

— Лейтенанту Петрову оцепить хату! Отделение, за мной!

Вырвав из-за пояса гранату, я метнул ее в дверь. Граната попала прямо в лицо одному офицеру. Истерический крик, топот нескольких ног раздались в хате. Присев, я ожидал взрыва. Но граната не разорвалась. И я вспомнил, что бросил ее незаряженной. Тогда, схватив автомат, я дал в избу длинную очередь. Там, звякнув снаряжением, рухнуло чье-то тело. С противоположного конца избы раздался звон и грохот: немцы ломали окна. Но там их ждал красноармеец Некрасов. Не спеша, подстреливал он одного за другим, по мере того как выскакивали они из оконной ниши.

С предельным шумом ворвались мы с Ивановым в избу и начали косить во все концы из автоматов. Сколько времени продолжалось это, не знаю. Только, когда снял я палец со спускового крючка автомата и вынул электрический фонарик, в бледном кружке света увидел безжизненные тела фашистов, сверкающие лужи крови и... в углу я увидел женщину, отворявшую мне дверь. Сжавшись в комок и спрятав голову, она притаилась в углу.

— Встать! — резко скомандовал я.

Женщина медленно выпрямилась и мы увидели столь характерное, искаженное от ужаса лицо... фашистского солдата.

Когда вывели этого пленника в юбке, нам с Некрасовым бросилось в глаза, что Иванов как-то неловко пошатнулся.

— Что с тобой?—спросил я его с тревогой.

— Кажется, ранен,—ответил он, нехотя.

Мы перевязали ему рану и помогли сесть на коня.

Пурга начала стихать. Покинув хутор, мы снова углубились в лес. Позади нас осталась изба с выбитыми окнами и раскрытой дверью, с шестью трупами фашистских солдат, нашедших свой конец в стране, которую они хотели покорить. А впереди, увязая в снегу и путаясь в юбке, шел понуривший голову незадачливый фриц.

. . . . .

Пленный оказался разговорчивым. На допросе выяснилось, что он был старшим засады, которая охотилась за нашими разведчиками. Этот угодивший в собственный капкан «охотник» указал нам месторасположение немецкого фуражного склада, и вскоре вся наша часть была обеспечена трофейным фуражом.

VI.

ГОРЕ ЛЕЙТЕНАНТА ПЕТРОВА.—МЫ
ОТПРАВЛЯЕМСЯ В РАЗВЕДКУ. —
ВОСПОМИНАНИЯ.—«ПОТАПКО, ГРА-
НАТЫ!».—ПАНИКА В ФАШИСТСКОМ
ЛОГОВЕ.—ПЕТРОВ ЗАСЕКАЕТ ТОЧ-
КИ.—«НЕ ВОЗЬМЕТЕ, ГАДЫ!».—ПО-
МОЩЬ БОЙЦА КОМАНДИРУ.—ВОЗ-
ЛЮБЛЕННАЯ ЛЕЙТЕНАНТА.—КЛЯТ-
ВА СОВЕТСКОГО ПАТРИОТА.

Немцы заняли родное село нашего коман-
дира взвода Петрова. Это потрясло нас всех.

Сжав губы от гнева, Петров неподвижно
сидел на пне, и светлые глаза его смотрели
тяжелым, темным взглядом. Из реки, по кото-
рой он катался зимой на коньках, брали воду
немецкие танкисты. Вдоль улиц, где так любил
ходить он, с резким стрекотом проносились
немецкие мотоциклы.

Предстоял бой за село, и только это нес-
колько успокаивало нашего комвзвода.

Накануне боя я вызвал Петрова к себе.
Рослый лейтенант с казацким чубом, спадав-

шим на сумрачное лицо, явился ко мне и остановился у стола.

— Слушаю вас, товарищ политрук.

— Садитесь, — пригласил я, — поговорим.

Петров сел, положив локти на колена, и снова безразлично уставился в землю.

— Нам обоим тяжело, товарищ Петров, — сказал я, — но падать духом не следует. Поручаю лично вам руководить боем. А сейчас вместе поедем в разведку.

Петров порывисто встал и крепко пожал мне руку. В глазах его блеснул хороший огонек.

Переодевшись в гражданское платье, я, он и красноармеец Потапко, сели на коней и отправились лесными тропинками, хорошо знакомыми Петрову еще с детства.

Сразу оживившийся, Петров рассказывал мне вполголоса о своей жизни, о том, как три года назад по этой самой тропке провожали его в армию, как хорошо тогда играла гармоника и пели девчата. Вот здесь он простился со своей любимой, обещав ей снова встретиться на этом месте. Я слушал Петрова, и горячие чувства лейтенанта волновали мою душу.

Мы все бесконечно любим родину. Истоки этой любви лежат в тех родных местах, где мы выросли, любили, работали. Вот и я, уроженец Чувашии, здесь, в тысячах километров от нее, защищаю родную республику от опас-

ности, нависшей над всеми народами Советского Союза; сражаюсь, не думая о личном благополучии, за дружный чувашский народ, глубоко благодарный партии, правительству, великому Сталину, указавшим чувашам путь к солнцу...

Когда мы добрались до лесной опушки, село открылось, как на ладони. Петров жадно смотрел туда и судорожными движениями гладил приклад автомата.

Вот оно родное! Вот школа, которая вывела Петрова в люди, вот стройные тополя, поднявшиеся по обеим сторонам улицы. Но около этих тополей чернеют пожарища, и не может лейтенант найти своего крова, где оставалась старуха-мать: фашистские гады сожгли избу. Около школы ходят часовые. Очевидно там штаб.

— А ну, поднимем панику! — возбужденно прошептал Петров.

— Погоди, — остановил я, — всему свое время.

Припав к земле, мы подползли поближе. Обменялись взглядами и поняли друг друга.

— Потапко, гранаты! — властно приказал Петров бойцу.

Подобравшись еще ближе, он поднялся и через головы часовых бросил в окно школы связку гранат. Раздался оглушительный взрыв.

Часовые оторопели. Не видя никого, они

шарахнулись в стороны, закрывая голову руками. Из окон и дверей стремительно выскакивали офицеры.

Забравшись на дерево и удобно устроившись там, я бил по ним из автомата.

Фашистов объял смертельный ужас. Где-то в деревне загудели моторы танков. Но Петров, подползший ко мне, шептал:

— В саду у хромого Никифора танковый парк. Запомнишь, политрук!

Из-под колхозного навеса немцы выкатили снарядные ящики.

— Ага, артиллерия! Так, так, — шептал довольный Петров, делая у себя в плане отметку.

Фашисты разворачивались в боевой порядок. Они бежали по улицам, пригибаясь и снимая на ходу автоматы.

— Отходить! — подал я сигнал.

По одному поползли мы к оврагу, где стояли наши быстроногие кони. Вот нетерпеливо топчутся они, чутко поднимая уши.

И тут случилось неожиданное. Около лошади лейтенанта с треском взорвалась немецкая граната. Конь упал, разбрызгивая кровь. В этот же момент что-то черное накрыло Петрова. В сознание ударил чужой, незнакомый говор.

— Не возьмете, гады! — яростно крикнул Петров.

Раздался выстрел. Упало чье-то тело, и вторая фигура кинулась от кустов. Но мы с Потапко быстро расправились со вторым фашистом.

— Не возьмете, гады!—твердил Петров, — я тут каждый кустик знаю.

На выстрелы подбежали еще три немца. Сразу поняв в чем дело, они пустили в ход автоматы. Мы залегли и открыли ответный огонь. А немцы сбегались, тяжело топая ногами.

— Уходить! — приказал я. — Прекратить стрельбу.

Но Петров подняться не мог, вражеская пуля тяжело ранила его. Ранен был в руку и Потапко. Увидев, что лейтенант находится в критическом положении, он подполз к нему:

— Держись за шею, товарищ командир, — крикнул Потапко, — уйдем.

Терявший кровь боец потащил лейтенанта, а я остался прикрывать их отход.

Петров был спасен. Неминуемая смерть прошла стороной, обдав нас холодным своим дыханием. В часть мы вернулись втроем.

Родное село комвзвода было взято на следующий же день.

Там мы нашли измученную, исхудавшую девушку, — ту, чью любовь носил в своем сердце лейтенант Петров. Три дня издевались над

ней фашистские звери, обнаружившие при обыске фотографию красного командира!

Еле держась на ногах, плача от радости и пережитого кошмара, она повисла на шее у первого же красноармейца, распахнувшего дверь ее избы...

Где сейчас мой боевой друг, лейтенант Петров?.. Довелось мне как-то слышать, что когда вышел он из госпиталя и снова сел на коня, гордо и страшно поднял он шашку над головой и сказал:

— Рана моя зажила, но ненависть к врагу живет попрежнему. Я отомщу фашистским гадам. Мой народ отомстит им.

VII.

ФАШИСТЫ ХОТЯТ ВБИТЬ КЛИН. — ПРИКАЗ КОМИССАРА. — КОНТРУДАР ГРУППЫ МИШУТКИНА. — СРЕЗАТЬ КЛИН! — БОЙ В СЕЛЕ. — ЛАВРЕНЮК ЗАМЕНЯЕТ КОМАНДИРА. — СМЕРТЬ ГЕРОЯ. — АТАКА. — «КОММУНИСТЫ НЕ СДАЮТСЯ!» — НЕМЦЫ БЕГУТ. — С ПАТРОНАМИ К ПУЛЕМЕТЧИКУ. — КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАД СЕЛОМ.

Наши позиции проходили вдоль села К., на котором немцы сосредоточили свой основной удар. Два дня здесь шли упорные бои, но все попытки фашистов разбивались о стойкую оборону наших частей.

На третий день гитлеровцы повели решительную атаку. Об этом можно было судить и по интенсивности артиллерийского и минометного огня и по густоте шедших в атаку вражеских цепей. Немцы решили вбить в этом месте свой излюбленный клин.

Пехотинцы, защищавшие левую часть села, были вынуждены отойти под натиском превосходящих сил врага.

..Грохотали разрывы немецких мин, вздымая глыбы мерзлой земли. Просочившиеся в село фашисты били автоматным огнем с огородов и чердаков по оттесненной горсточке пехотинцев. Комиссар, все время сражавшийся впереди, вместе с группой героических стрелков, протирая залитые кровью глаза, отдал последний приказ:

— Коммунисты и комсомольцы, ко мне! Приготовить гранаты. Драться до последнего патрона. Большевики умирают, но не сдаются!

Воодушевленные призывом комиссара, бойцы усилили огонь.

Но силы были слишком неравными.

В эту трудную минуту боя часть моего эскадрона находилась на левом фланге у пехотинцев. На нее тоже надвигались фашистские цепи. Надо было нанести контрудар.

С командного пункта я видел, как поднялись в цешем строю кавалеристы. Их вел молодой лейтенант коммунист Мишуткин.

— За мной, ребята! Смерть гитлеровским бандитам! — раздался его звонкий голос.

Обнажив клинок, он перебежал поляну и во главе группы бойцов отчаянно врубился в гущу наступающих немцев. Град пуль обрушился на наших воинов, но они неслись вперед, держа наперевес винтовки с примкнутыми штыками. Начался жестокий и беспощадный рукопашный бой.

По временам я видел, как над группами дерущихся взлетал сверкающий клинок. Это лейтенант, приседая и выпрямляясь, рубил фашистов.

Немцы не выдержали штыкового удара. Они втянулись в занятую ими часть села и повели массированный огонь. На открытое перед околицей пространство легла сетка смертоносного огня. Преодолеть ее в пешем строю было нельзя, и группа Мишуткина, уничтожив оставшихся фрицев, отошла на исходные позиции.

В этот момент мы получили приказ. Сущность его состояла в следующем. Часть моего эскадрона в конном строю врывается в занятые немцами улицы, выбивает их на расположенную восточнее деревни равнину, а здесь фашистам наносят удар остальная часть моего эскадрона и подразделения, занимающие северную половину села. Фашистский клин берется в клещи и уничтожается.

Немедленно я приказал Мишуткину атаковать со своими бойцами село, и лихая конница вырвалась из укрытия. Дрожая от волнения, я видел, как заскочили конники в село, озабоченно прислушивался к грохоту разгоревшегося там боя.

И вот из села на равнину стали выползать фашисты. Удар группы Мишуткина возымел

свое действие. Мои бойцы дрожали от нетерпения.

Именно тогда и прибыл связной с печальной вестью. Храбрый лейтенант пал сраженный вражеской пулей. Команду взял в свои руки рядовой боец коммунист Лавренюк. Последние слова лейтенанта — «Вперед, друзья! Смерть фашизму!» — зажгли этого верного сына родины, лютая ненависть к врагам придавала силы.

— За мной, товарищи! Отомстим за командира! — услышали мы громкий голос, донесшийся из села. Это звал бойцов коммунист Лавренюк.

А фашисты все больше и больше выползали на снежное поле, словно клопы, которых выкуривают из щелей. Несмотря на то, что в селе шла неравная битва, и Лавренюк упал пробитый осколком мины, успев перед этим нанести смертельный штыковой удар одному немцу и разmozжить голову другому, — фашисты, отрезанные от своих частей, выбирались на равнину.

В вечерних сумерках ярко пылали подожженные гитлеровцами избы. В бессильной злобе захлебывались немецкие автоматы. По ворвавшейся в село горсточке наших храбрецов били фашистские минометы. Это был критический момент боя.

Задыхаясь от волнения, я крикнул:

—Ребята! Неужели не побьем гадов. Вперед!

Со страшными лицами рванулись бойцы. Я бежал впереди, и только kloкочущее дыхание охваченных священной яростью людей раздавалось у меня за спиной, да ветер бил в лицо морозными иглами.

Неожиданно кругом меня возникли какие-то фигуры. Словно в тумане увидел я серо-зеленые шинели, пилотки с разбойничьими эмблемами и волчьи глаза. Блеснули погоны. Словно ветром ударил чужой голос:

— Коммунист, сдавайся!

— Сволочь! — закричал я, что было сил, — коммунисты не сдаются!

И сразу метнул одну за другой две гранаты, сразмаху упав в снег.

Когда приподнял я голову, то увидел, как таял дым взрывов, и что-то серо-зеленое, облитое кровью, копошилось на голубом снегу. Вскочив, я перепрыгнул через трупы, и снова побежал туда, где пылали пожары, бросая на плетни багровые отблески.

А красноармейское «ура» гремело по равнине, втекая в село. Один за другим исчезали мой бойцы за плетнями и домами. Фашисты удирали, бросая оружие.

Когда я вбежал в село, там уже метались разъяренные красноармейцы, уничтожая неуспевших скрыться гитлеровцев.

4. Эскадрон, за мной!

Но с западной стороны снова раздалась стрельба. Снова поползли остановленные офицерами немецкие бандиты. Бой разгорался с новой силой.

С левого фланга по наступающим фашистам неожиданно открыл огонь наш пулемет. Отважный комсомолец Костин методично косил фашистские цепи. И вдруг пулемет смолк. «Кончились патроны!» — пронизала нас жуткая мысль. Два бойца, посланные с коробками пулеметных лент, погибли под пулями врага. А на Костина лезли фашисты и что-то кричали на своем собачьем языке.

Приподняв голову и окинув воспаленным взглядом поле битвы, я увидел около Костина немецкий пулемет. А неподалеку валялись черно-желтые ленты патронов!

Нахлобучив шапку, я пополз к ним, схватил их; зарываясь лицом в снег, подобрался к Костину. Пули чертили кругом снег, фашисты били по мне из винтовок и автоматов. Поняли гады, что смерть несущий я поганой их своре!

Лихорадочно заправил Костин в пулемет змеящиеся ленты, и огонь трофейного оружия почти в упор резанул по фашистам.

А с северной стороны села гремело родное русское «ура». Это шли нам на помощь новые подразделения.

Остатки разбитых фашистских батальонов

откатились от села, расстаяли в вечерней мгле
словно волчья стая.

Шатаясь, возвращался я в село и видел, как
кто-то укреплял над одним из домов крас-
ный флаг. Советское знамя снова алело над
селом!

VIII.

УТРО.—НАМ ВИДНО СЕЛО. — КА-
НОНАДА. — ОГНЕВАЯ ПОЛОСА
ПРОЙДЕНА. — ПЕТУХОВ ГРОМИТ
ПУЛЕМЕТНОЕ ГНЕЗДО.—ЗАПИСКА
КОМИССАРА.—НА ЛИНИЮ ОГНЯ!—
СВИНЦОВЫЙ ДОЖДЬ ПОЗДНОВА.—
ПУЛЕМЕТ ОТКАЗАЛ. — «ТОВАРИЩ
ПОЛИТРУК, ВАС УБЬЮТ». — ДЕЛЕ-
ГАТ С КОМАНДНОГО ПУНКТА. —
ПЕРВАЯ ГВАРДЕЙСКАЯ АТАКА. —
ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ЭТА ЛОПАТА?—
«ФАШИСТЫ!»—ПРИКАЗ КОМАНДО-
ВАНИЯ ВЫПОЛНЕН. — ЭСКАДРОН,
ПО КОНЯМ!

Есть такие, особо памятные дни, которых
никогда не забыть.

Бой под селом Б. запомнится мне на всю
жизнь. Когда уничтожим фашизм, и мирный
труд снова воцарится на нашей земле, я буду
с гордостью вспоминать об этом дне...

В то утро с рассвета началась метель. Под-
гоняемые ветром снежинки кружились над
лесом и мирно оседали меж сосен, покрывая

пушистым покровом раскидистые ветви, лошадей, наши шапки и плечи.

Эскадрон готовился к наступлению. Бойцы последний раз проверяли оружие и снаряжение. Командиры окончательно уточняли задачу. Но никто не думал о том, какая радостная весть придет к нам в разгар предстоящего боя...

Когда эскадроны в пешем строю выдвинулись на опушку леса, где были намечены исходные позиции, сетка падающего снега несколько поредела. Перед нами лежала белая равнина, спускавшаяся в овраг, а на возвышенности, по ту сторону, беспорядочно раскинулось село. Оно располагалось на трех буграх и господствовало над окружающей местностью. Это село мы должны были очистить от фашистских бандитов.

Эскадроны двигались уступом. Впереди нас—слева и справа—шли цепи наступающих бойцов. Сотни людей продвигались в глубоком молчании, только скрипел снег, да бряцало снаряжение.

Где-то за селом ухнула немецкая пушка, и первый снаряд, разрывая нежную пелену утихавшей метели, с воем пронесся над нашими головами. Началась канонада.

Немцы испуганно били из орудий и минометов, пытаясь остановить наше наступление. И по мере того, как приближались мы к краю

оврага, огонь усиливался, все чаще взметывались вверх гейзеры взрывов, разбрасывая по сторонам куски мерзлой земли и хищно оскаленные стальные осколки.

Но вот равнина обрезана обрывом. Нам уже хорошо видно село, а у подножья противоположного склона — хуторок. Метель стихла. Очертания засыпанных снегом крыш и редких косматых сосен вырисовываются совершенно отчетливо.

Ударила первая очередь фашистского пулемета. Немцы увидели у края обрыва фигуры красноармейцев и открыли ураганный огонь. Цепи залегли.

Мой эскадрон оказался в самом пекле. Снаряды, мины, пули летели в нашу сторону. Какое решение принять мне? Отойти? Нет. Ни шагу назад! Выйти из-под огня можно только продвигаясь вперед.

Кубарем качусь в овраг. Следом за мной стремительно спускаются бойцы.

Немцы не ожидали этого. Они хотели задержать нас на высоте, а мы преодолели полосу огня и вот уже вплотную подбежали к первым огневым точкам, расположенным в хуторке.

Красноармеец Петухов первым ворвался в одну из хат. Сквозь грохот стрельбы мы услышали там шум и отчаянную возню, а затем звериный рев вырвался из низкой двери. Через

минуту около хаты появился Петухов. Сгибаясь, он волочил поддетого на штык гитлеровца. Герой-боец разгромил пулеметное гнездо и уничтожил всю прислугу фашистского пулемета.

Немцы поспешно бежали в село, где находились их главные силы.

Уничтожив огневые точки и не заходя в хуторок, эскадрон свернул влево и повел наступление на село. В русле оврага меня нагнал связной, передавший записку комиссара. «Вы выполняете ответственное задание командования, — писал комиссар. — Желаю вам успеха!».

Немцы поливали нас струями свинца, забрасывали минами. Но простые слова комиссара придали новые силы, и красные кавалеристы стремительными перебежками приблизились к окраине села и заняли ее.

Однако, это мало улучшило положение. Порядок домов, занятый нами, был отделен от села глубоким крутым оврагом. Окраина находилась под постоянным обстрелом. Фашистские мины посеяли пожары, и едкий дым клубился меж домов. Сарай, где мои бойцы только-что установили станковый пулемет, взлетел в воздух от прямого попадания тяжелым снарядом. Гитлеровцы не жалели металла, чтобы удержать в своих руках выгодные высоты.

Бойцы залегли в кустарнике, около домов.

Орешник и голые кусты смородины скрыли их, но защитить от огня не могли. Кустарник был заранее пристрелян немцами.

С командного пункта мы увидели, как дрогнули первые ряды наступавших и поползли назад отдельные красноармейцы. Покинув командный пункт, я побежал на линию огня.

Восстановить положение удалось довольно быстро. Люди без приказа заняли прежние места и усилили огонь по селу.

Я подполз к пулеметчику Позднову. Он лежал неподалеку от горящего дома и, тщательно выбирая цель, посылал короткие очереди. Повернув ко мне грязное, покрытое крупными каплями пота лицо, он виновато сказал:

— Еле выбрался из-под земли, товарищ политрук. Снаряд нас всех засыпал. Прямо по сараю гады двинули.

И, снова припав к пулемету, закричал озорным голосом:

— А ну, фрицы, без зонтика не ходить! Дождь идет!

На задах, по огородам, словно заячья свадьба разбегались фашисты, падали, кричали, окрашивая свежий снег своей поганой кровью. Не по сердцу был им свинцовый дождь пулеметчика Позднова.

Я показал большой палец и крикнул:

— Молодец, Позднов!

Пулеметчик повернулся, хотел что-то

сказать, но резкая бледность залила его лицо, закрылись глаза, и голова упала на грудь.

Бережно оттащили мы раненого героя. Одинокое стоял осиротевший пулемет. Я обернулся к бойцам:

— Где второй номер?

— Вышел из строя, товарищ политрук.

— Кто может стрелять?

Молчание.

Лег сам, нажал на гашетки. Перебегавшие по огороду немцы рассыпались в*разные стороны. Некоторые упали, но снова поднялись! Мелькнула обидная мысль: «Неужели не убил?». Даю еще очередь. Снова валяются фашисты, на этот раз, кажется, окончательно. Так вам, сукиным детям, и надо!

Жму гашетки, но пулемет молчит. В чем дело? Оказывается, патрон вошел с перекосом, да и кожух давно пробит. Все мои усилия безрезультатны. А жаль: немало гадов суетится еще в деревне.

Оглядываюсь и вижу второй пулемет. Даю знак подтащить его ко мне.

— Один остался я, товарищ политрук, — кричит боец. — И стрелять не умею.

Переползаю к пулемету, даю из него несколько очередей. Но позиция тут неудачна. Волоку пулемет и коробку с лентами к большому соломенному скирду — далеко впереди залегших бойцов.

Установил. Наблюдаю. А пули злобно свистят. Позади в нескольких десятках метров рвутся мины. Но бойцы подтягиваются, пробираются вперед, находят удобные огневые позиции.

Фашисты перебегают от избы к избе. Стараюсь поймать их короткой очередью.

Однако, и этот пулемет закапризничал. Спешно вытаскиваю ленту, вынимаю приемник, вставляю обратно, жму на гашетки. Одиночными бьет, а автоматической стрельбы нет. Чорт возьми! Из-за этого пулемета задержалось наступление!

Настойчиво копаюсь в механизме, и вдруг пулемет заговорил. Направляю свинцовую струю по крыше, откуда ухает миномет... За молчал, гадюка!

Пули с треском впиваются в скирд, пролетают насквозь. Упал красноармеец, стоявший за скирдом. Кто-то тянет меня за ноги, кричит:

— Товарищ политрук, уходите! Убьют вас!

— Обожди, — отмахиваюсь я, — не видишь, разве, сколько фашистов?

Но вместо ответа красноармеец оседает мне на спину. Липкая, теплая кровь его льется за мой воротник. Кажется, убит...

Обеспокоенный потерями, выскакиваю из-под скирда. Передав пулемет бойцу, отползаю назад, собираю новую волну наступающих.

А короткий зимний день незаметно прошел. Свинцовое небо спустилось к селу. Вспышки выстрелов стали резче и заметнее. Колеблемые заревом пожаров тени деревьев упали на синий снег. Промокшая насквозь одежда превратилась в фанеру и скрипит при каждом движении.

В этот вечерний час ко мне подполз красноармеец — делегат связи с объединенного командного пункта:

— Товарищ политрук, вас комэск ищет.

— Где он?

— Там, на том фланге.

— В чем дело-то?

Делегат связи вытер вспотевший лоб и, приподняв голову, сказал торжественным голосом:

— За выдающиеся боевые заслуги в борьбе с германским фашизмом нашей части присвоено звание гвардейской!

Сразу даже дыхание захватило. Жгучая радость пронизала все тело. Так вот она, великая честь! Вот осуществление мечты моего боевого друга лейтенанта Мишкурова. Как заботливый отец следит наш нарком великий Сталин за действиями красных частей! Мудро и внимательно отмечает он наши успехи.

Приподнимаюсь на локоть, забыв о пулях:

— Внимание! Передавать по цепи: мы гвардейцы! Приготовиться к атаке!

Всюду, где залегли красноармейцы, — в кустарнике и меж горящими домами, в сараях и за скирдами, — с быстротой молнии распространилась эта весть.

Могучий душевный порыв бросил людей вперед. Забыв о грозящей смерти, пошли бойцы в атаку. Возросшее чувство собственной силы, благодарность великому Сталину, ненависть к наглым чужеземцам, нарушившим мирный труд советской родины, руководили красными воинами. Люди шли в первую свою гвардейскую атаку!

И на обязанности командиров и политработников уже лежала забота о четком руководстве бойцами, забота о том, чтобы направить в верное русло этот неудержимый натиск советских патриотов.

Путь к центральной части села преграждал овраг с почти отвесными краями. Если бы вся цепь атакующих спустилась туда, она могла бы оказаться в ловушке и стать легкой добычей фашистов.

С трудом удалось организовать постепенный переход оврага — группами по 5—6 человек.

Одна за другой скатывались группы вниз, карабкались на противоположный берег и там залегали, накапливаясь для решительного броска.

А когда последний боец выбрался из оврага, цепь стремительно ринулась в село.

Вот овладели мы уже первыми домами, и отчаянный штыковой бой кипит во дворах, переулках, на огородах. Крики, лязг штыков, стрельба, — все слилось в один гул.

С тремя красноармейцами проверяю завоеванные избы. С чердаков, из погребов, из-под печек, — отовсюду извлекают бойцы ошеломленных, не успевших бежать немцев.

В руке у меня обыкновенная саперная ло-

пата. Как попало сюда это необычное оружие, не помню. А револьвера нет. Очевидно оставил в овраге...

Вдруг вижу убегающего немца. Кричим ему, он не останавливается. Нагоняю и лопатой бью гада по голове. Бандит тычется в снег и затихает.

Но бойцы зовут к избе. Там засели немцы. В густой темноте слышится шорох и приглушенные голоса.

Нечего раздумывать! Врываемся в избу, хватаем упирающихся фрицев, волочим их на двор. Коренастый офицер, в испуге забыв об оружии, кусает меня за руку. Взмах лопатой, и черная кровь брызжет из разрубленной фашистской головы.

Однако, пора осмотреться. Мы глубоко вклинились в середину села. Немецкий гарнизон разрезан на две части. Гитлеровцы скопились по обе стороны, оставив на чердаках отдельных автоматчиков. Организуем охоту на этих смертников, выслеживаем и уничтожаем их.

Уличный бой окончен.

Гвардейцы поздравляют друг друга с первым успехом. Они подходят ко мне и крепко жмут руку:

— Спасибо, политрук!

— После войны, товарищи, разберемся кому спасибо.

Вдруг сразу с обеих сторон раздаются тревожные возгласы:

— Фашисты!

Спереди и сзади, с шумом, с криками «Русь, сдавайся!» надвигаются немцы.

Не только крепкие нервы необходимы в такие моменты, нужна способность быстро ориентироваться и принять правильное решение. Достаточно дрогнуть одному, чтобы это немедленно отразилось на десятках людей.

И вот, у некоторых новичков сдали очевидно уставшие в бою нервы. Наступило минутное замешательство. Опасное, губительное замешательство!

— Гвардейцы! — закричал я. — По местам! Бейте фашистских гадов!

Горячий отклик нашел этот призыв. Восстановились ряды. Оправившись от неожиданности, гвардейцы ринулись в штыковую контратаку.

Всю ночь продолжался бой. Немцы были выбиты из села. А с рассветом мы получили новый приказ: преследовать врага, догнать его, уничтожить.

Туманное утро поднялось над дымящимся селом. По моему приказанию подали коней, и гвардейский эскадрон двинулся вперед, — туда, куда звали его суровые фронтовые будни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наш рейд по тылам врага дал свои результаты. Уцелевшие фрицы долго будут помнить конников-гвардейцев.

Советское правительство отметило многих из нас высокой наградой. Эта благодарность родины вдохновляет на новые боевые дела.

Сейчас, когда я дописываю эти строки, враг снова рвется к нашим жизненным центрам. Он бросает в бой все свои резервы, всю свою технику. Страх неминуемой расплаты заставляет его не считаться с потерями.

Геройски отбивает Красная Армия атаки врага, неутомимо перемальывает его живую силу и технику.

Победа будет за нами. Но она сама не придет, ее надо завоевать кровью и упорным трудом!

...Недавно из красноармейской печати я узнал, что в часли помнят меня и ждут. И вот, я снова еду к своим боевым друзьям, чтобы вместе с ними бить фашистских гадов, отстаивать свободу, честь и независимость моей родной страны.

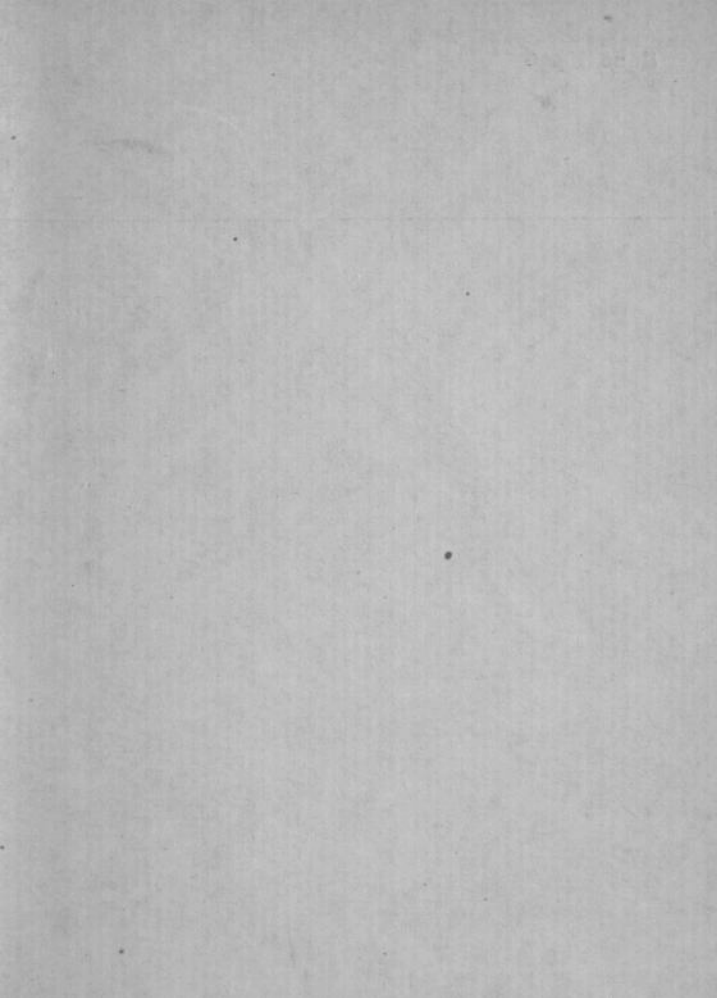
До будущей встречи, дорогие читатели!

Редактор *П. Т. Золотов*.

НТ 298. Подп. к печати 31-VIII-1942 г. Заказ 504. Тир. 10.000.
Объем 2,0 п. л.

1-я тип. Упр. полиграфпромышл. при СНК ЧАССР г. Чебоксары

Цена 1 руб.